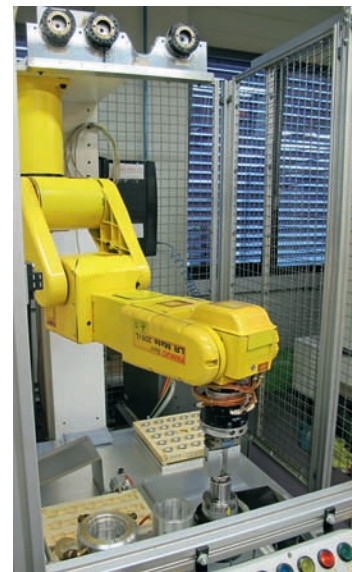

ЮВЕЛИРНАЯ СРОЧНОСТЬ НА ЧАСОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ BVLGARI ПОБЫВАЛ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Конструкторские бюро Gerald Genta и Daniel Roth являются «инженерным» мозгом фабрики Bvlgari

Ювелирная марка Bvlgari не хочет ждать. Ее цель — как можно скорее стать главным часовщиком. Если не в международном масштабе, то, по крайней мере, внутри LVMH, которому она принадлежит. Нет сомнения, что именно такую задачу поставил Франческо Трапани, их бывший босс. После того как в прошлом году LVMH купил Bvlgari, он возглавил все часовое подразделение холдинга, куда входят, в частности, такие серьезные часовые марки, как Zenith, TAG Heuer и Hublot.

— Самое главное, что есть у нас, это идентичность. Нам нужен свой путь, — настаивает Гвидо Террени, стоящий теперь в Bvlgari на часах. — Мы не хотим быть ни «Бреге», ни «Патеком». У нас нет столетней истории, и не надо ее изобретать — мы должны быть современными.

Террени встречается с нами в огромном кабинете в здании, украшенном вывеской Bvlgari, в швейцарском Невшателе. На длинном столе разложены часы из многочисленных болгарских коллекций, в том числе и их абсолютные бестселлеры — восьмиугольные мужские Octo, классические Sotirio Bvlgari и «змеиные» женские Serpenti. На самом деле главный соперник лишь подразумевается, но не назван. Это вовсе не Breguet, не Patek и даже не Rolex, а другая ювелирная марка со столь же мощными часовыми амбициями на букву «К». Для того чтобы одолеть соседей по Швейцарии, Bvlgari строит эшелонированную оборону и подтягивает резервы для наступления.

Большое часовое производство в Невшателе — это раз. Собственный завод Prestige d'Or, выпускающий драгоценные корпуса и циферблаты, — это два. Концептуальные конструкторские бюро для специальных моделей класса haute horlogerie. В качестве конструкторских бюро выступают купленные некогда Bvlgari замечательные марки Gerald Genta и Daniel Roth. В свободной жизни эти бренды специализировались на сверхсложных часах под собственным именем, теперь их мозговые центры поставлены на службу титульной марке. Террени считает такой шаг совершенно оправданным: «Конечно, Джеральд Джента был крупнейшим проектировщиком часов. Но теперь его нет с нами, и все меньше и меньше людей знают, кто он такой был. Мы устали это объяснять, и ныне мы делаем все, чтобы люди знали один бренд — Bvlgari».

Фабрики Daniel Roth и Gerald Genta были когда-то самостоятельны, благодаря этому они имеют собственное производство для прототипов. Здесь работают самые квалифицированные часовщики, которые выполняют самые сложные из болгарских заказов — турбийоны, минутные репетиры, вечные календари. Для Bvlgari это очень важно, это веское доказательство того, что потомственные ювелиры способны производить собственные часы с grand complications. Их все равно не может быть много, в любой марке на их производство тратят часы, дни, месяцы, но в итоге это оправдывается.

Террени вспоминает, как они вышли на рынок с моделью Aluminium: «Роскошные часы с алюминиевым корпусом! Это был вызов, это был стейтмент. Нашу дизайнерскую смелость тогда оценили высоко, но с тех пор

прошло больше одиннадцати лет. Теперь клиенты прежде всего интересуются техникой — вы не можете выступить только с дизайном. Вы должны предложить содержание. Можно не быть экстравагантными, но надо быть сложными».

В обычных моделях Bvlgari стоят отличные, но все же покупные механизмы, произведенные в Frederic Piguet и Sowind. Гвидо Террени не склонен гнаться за собственными «моторами» во что бы то ни стало: «Никто не может выстроить производство вплоть до последнего винта. Это и не нужно. Важно, чтобы в наших часах чувствовался шик итальянской марки и швейцарская четкость».

Тем не менее производство корпусов и циферблатов на сторону не отдают. Для этого Bvlgari приобрела собственный завод — Prestige d'Or. «Золотой престиж» не только обеспечивает все потребности марки, но может при необходимости работать и для других, хотя, похоже, с годами его загрузка именно для Bvlgari только возрастет. «Золотой престиж» — это настоящее производство с производственными участками и станками. Впервые в жизни я вижу в руках у часовщика молоток и гаечный ключ. Многие операции здесь отдаются роботам, но на последних этапах подключаются люди. В полировочном цехе стоит шум от множества вращающихся дисков, над которыми склонились рабочие... В этот момент со стыдом думаешь: какая все-таки у нас, журналистов, страшно тяжелая работа!

Производством на Prestige d'Or занимается Жан-Клод Пробст, он работает на фабрике уже 12 лет и считает, что нет ничего интереснее, чем разработать и выпустить золотой браслет или кольцо для циферблата. К золоту он привык и относится к нему без всякого почтения, как к обычному полуфабрикату. Перед обработкой оно вправду выглядит чрезвычайно буднично, только тяжесть металлических прутьев напоминает о том, что они не из бронзы и не из латуни. От рабочего к рабочему предметы желтого металла обретают форму и становятся все более похожими на золото. «С этого момента лучше их не трогать, — говорит Пробст, — прибавочная стоимость уже слишком велика».

Главный завод Bvlgari в Невшателе похож на все современные часовые предприятия Швейцарии. Здание, на вид постройки 1960-х годов, наполнено новейшим оборудованием. Очевидно, что денег на часы здесь не жалеют. Как теперь принято, часовщики сидят в аквариумах с нагнетаемым воздухом, чтобы пыль даже теоретически не могла бы попасть на рабочий стол. За сборкой следует обязательная многоступенчатая проверка на точность хода, защиту от удара и от влаги, на все возможные случайности. Все, как везде, за одним исключением: здесь не отделаться от ощущения какой-то общей напряженной и подчиненной некоей большой цели работы. Чем-то это напоминает кинохронику военных лет. Как будто бы здесь производят не механические часы, а снаряды. Вероятно, нацеленность марки на часовую реванш заражает всех. Времени до Базеля мало — все для фронта, все для победы.

Bvlgari, Endurer Chronosprint All Black, 2011

Bvlgari, Daniel Roth Tourbillon Lumiere, 2011